

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗАКОННОЙ СИЛЕ

Профессор д-р ЛАСЛО НЕВАИ, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Будапештского Университета

Проблему законной силы нельзя считать очень популярной; она не популярна ни в глазах не-юристов, ни в глазах юристов. Не-юриста она пугает, а юриста, за исключением некоторых, любящих эту тему, не очень привлекает. Вопрос законной силы решения *не-юриста*, если вообще приблизительно понимает, о чем идет речь, рассматривает как отвлеченный правовой вопрос, а большинство *юристов-специалистов*, зная его сложность и комплексность, может им восхищаться, но не любит его, не углубляется в него, а просто рассматривает его как факт. *Процессуалисты* конечно должны им заниматься, т.к. речь идет об одной краеугольной проблеме их специальности.¹

I.

1. Венгерская литература гражданского процесса сравнительно мало занималась проблемой законной силы. До конца второй мировой войны *монографическое* исследование только *Густав Хаберманн* и *Берталан Шенвитуки* публиковали (первый относительно особых производств, второй относительно решения суда).² Наряду с ними заслуживают упоминания „заметки на полях” *Ене Бачо* старшего.³ В нашей социалистической правовой литературе *Иштван Новак* написал ценную книгу о частичной законной силе.⁴ Очевидно скоро появится и монографическая работа *Йозефа Фаркаша*.⁵

В то же время весьма интересно, насколько оживленно занимал вопрос законной силы специалистов-юристов в той области, где само ее существование оспаривалось (может быть как раз из-за этого!), а именно в *административном праве*.

Достаточно вспомнить книги *Толмачи*, *Боэр*, *Кристич* и *Баумгартен*, написанные в конце прошлого и в начале нынешнего века,⁶ а также большое количество — хотя не имеющих книжную форму — работ, которые были опубликованы после второй мировой войны по этому вопросу.

2. Проблему законной силы не юристы-процессуалисты придумали; они ее только обнаружили и раскрыли. Понятие законной силы — один из основных элементов в системе понятий права. В венгерском выражении „законная сила” слово „закон” означает *объективное право*. Наступление „законной” силы решения означает, что решение уже имеет „силу закона”.

Таким образом посредством законной силы *абстрактное* и *общее* распоряжение закона становится *конкретным* и *единичным*. Итак законная сила — с этих позиций — является важнейшей ступенью в *процессе действительного осуществления объективного права* в том случае, если, в отсутствии добровольного соблюдения права, необходимо было обратиться к суду.

В то же время не меньшее значение имеет исследование законной силы со стороны *субъективного права*. Чтобы остаться в области цивилистики: субъективное право граждан и социалистических организаций *объективизируется* в решении суда, и этот процесс, процесс объективации права завершает возникновение законной силы и фиксирует ее в таком положении, которое делает возможным принудительное осуществление субъективного права, т.е. судебное исполнение.

3. Историческое развитие этого вопроса в некоторых моментах также заслуживает внимания. В ограниченной системе акций (исков) *римского права* значение законной силы выступало еще более, чем сегодня. Существование *формального иска*, который только открывал путь к осуществлению права и, в связи с этим, авторитет *res iudicata* в правовых системах, которые развивались под влиянием римского права в течение многих столетий, по существу, фетишизировались.

В особенности это относится к *английскому праву*, в процессе развития которого процессуальное право в течение длительного времени находилось в *преимущественном положении по отношению к материальному праву*. Тут произошел обратный процесс образования взаимоотношений объективного права и законной силы.

В известном смысле можно сказать, что *законная сила сформировала английское прецедентное право*, ведь, в сущности, в этой области произошло то, что посредством *аккумуляции решений* по аналогичным правовым вопросам, *имеющих законную силу*, объективные границы законной силы *расширились* а такой мере, что в результате этого возникло *общедействующее объективное право*.

У нас, в Венгрии, как известно, развитие — вследствие неперенятия римского права — имело другое направление. Однако старое правило („*Res iudicata pro veritate accipitur*”) — как и в других странах континента — в течение многих столетий действовало строго: „решение суда олицетворяет правду”. Ранняя венгерская правовая литература, например и *Китонич*, выражения „*sentantia* и „*res iudicata*” применяет как синонимы.

Французская позиция, хотя то, что касается нормативной стороны вопроса, тоже строгая. По Код Сивил, законная сила решения создает презумпцию законности (§ 1351.), что в то же время не оспорима (§ 1352.).

Таким образом нет места доказыванию обратного (*praesumptio iuris et de iure*), значит решение, имеющее законную силу, содержит истину и правду.⁷

4. Развивающаяся капиталистическая система конечно все меньше могла успокоиться с фетишизацией законной силы: она старалась применить ее к своим потребностям и гибче управлять ею. Попутным явлением *ослаблению буржуазной законности* было и *падение авторитета законной силы*. Такое явление и побудило молодого Маркса к тому, что в одной своей многоцитируемой статье („Диспуты по закону о краже дров“) выступил в защиту тезиса о законной силе и напал на 6-ой Рейнский ландтаг из-за того, что „законную силу решения рассматривали как излишнюю мелочь“.⁸

Однако немецкую буржуазную судебную практику впоследствии характеризовал чреватый формализм понимания законной силы. На это намекают своеобразно тогдашние современные немецкие сатирические стихи, адресованные к одному судье Верховного Суда:

„Du judizierst, und, das ist wichtig,
rechtskräftig stets und darum — richtig.“

(„Твое решение, и это важно, всегда имеет законную силу, и по этой же причине оно — правильно.“)

В сущности эту же мудрость выражает признание члена Верховного Суда США, Ричарда Джексона, умершего в 1954 г.: „Наши решения не потому окончательны, что мы будто не можем ошибаться. Наоборот: мы не можем ошибаться потому, что наши решения уже не подлежат обжалованию.“

Естественно я не намереваюсь законную силу как институт процесса показать исторически; всего только ее значение и изменения ее функции хотелось показать со сказанными, чтобы дать эскизный фон предыстории социалистического понятия законной силы.

II.

5. *Социалистическое право*, как известно, стремится к тому, чтобы сбалансированно определить роль законной силы в мире права и в обществе; оно не фетишизирует ее, но и не превращает ее в мелочь; не рассматривает ее как табу, но и не допускает ее легкомысленное устранение.⁹

Социалистическое право признает то большое значение законной силы, которое она приобретает в связи с осуществлением обеспечения *правовой безопасности* и *социалистической законности*, связанной с правовым регулированием общественных отношений, но в то же время признает то, что могут возникнуть немалозначительные *конфликты* между законной силой и законности.

Проблему законной силы решения, которое не соответствует объективной истине или противоречит объективному праву, естествен-

но и буржуазное право знает;¹⁰ однако расхождения при *оценке ценностей* приводят к различиям в отношении нормативно-правового урегулирования вопросов в социалистической и буржуазной правовых системах.

Социалистическое право характеризуется подходом к проблеме законной силы со стороны *содержания*; оно — наряду с сохранением требования стабильности — в первой прослойке регулирования несмотря на законную силу противоправного или необоснованного решения первенство обеспечивает для требования законности решения и соответствия его истине; во второй прослойке регулирования оно дает возможность взвесить тяжесть наступившего правонарушения — с одной стороны, а с другой принимает во внимание фактические обстоятельства, сложившиеся по наступлении законной силы, соответственно связанные с ними законные интересы сторон. Достаточно в этом отношении указать — наряду с возобновлением дела по вновь открывшимся обстоятельствам — на институт рассмотрения дел в порядке надзора, что известен процессуальному праву всех социалистических стран.

6. Что касается венгерского правового регулирования в *первой прослойке*, то оно учитывает, что из неоспариваемости судебных решений — из т.н. *формальной законной силы* — может возникнуть конфликт между *законностью* и *законной силой*. Законная сила — наряду с требованием стабильности судебного решения — основывается на том предположении, что решение законное. Однако теоретически нельзя исключить ту возможность, которая и на практике встречается, что решение, имеющее законную силу, незаконно. Если возникает такое положение, требование законной силы в рамках правовых норм должно уступить требованию законности.

В нашем праве исправлению незаконного или необоснованного судебного решения, вступившего в законную силу, служит *протест по законности* (надзорный протест). В случае нарушения распоряжений закона может наступить *исправление* или *дополнение* судебного решения, имеющего законную силу, а также — в случаях, предусмотренных законом — и *возобновление процесса*.

7. Оставаясь все еще при первой прослойке регулирования, конфликт, естественно, может возникнуть и в связи с *материальной законной силой*. Однако это столкновение, как правило, возникает не в отношении законности, а из-за того последствия, исходящего из окончательного характера решения, вступившего в законную силу, что оно правовое отношение сторон фиксирует в определенном состоянии. Решение суда основывается на определенных фактических обстоятельствах, имеющих в момент вынесения (или перед ним) решения. В случае обязательств, подлежащих выполнению в будущем (алименты, содержание и т.д.), возможные изменения этих обстоятельств могут сделать необходимым отказ от окончательности решения и вынесения нового решения, которое соответствует новым обстоятельствам. Тут

значит, речь идет о конфликте *материальной законной силы* и *изменившейся объективной действительностью*.

Это принимая во внимание § 230. ГПК ВНР устанавливает, что если решение обязывает одну из сторон к выполнению обязательств, срок которых наступит после вынесения решения, материальная законная сила не препятствует тому, чтобы любая из сторон подала иск по поводу изменения срока и количества этих обязательств, если в последующем существенно изменились те обстоятельства, на которые основывался суд при вынесении решения. Этот случай можно назвать „последующим процессом”.

Изменение фактических обстоятельств при наличии вступившего в законную силу решения суда об отказе в иске подобным образом может служить основой для подачи нового иска и в некоторых других случаях (например, при иске о разводе, о прекращении совместной собственности и т.д.). Также можно изменить, на основе последующих новых фактов, решение, имеющее законную силу о присуждении ребенка. Эти иски, которые не включаются в систему вышеуказанных „последующих процессов”, собственно говоря не сталкиваются с правилом материальной законной силы потому, что они не направлены на право, „вытекающее из одного и того же фактического основания” (§ 229. ГПК ВНР).

8. Нормы, находящиеся в упомянутой *второй прослойке* правового регулирования, смягчают *строгость* и относительную негибкость регулирования в первой прослойке; они с одной стороны обеспечивают право *взвешивания* (усмотрения) для органа, предпринимающего или представляющего исправление для *определения* значения нарушения законности, возникшего в последствии решения, имеющего законную силу, а с другой стороны в большей степени принимают во внимание требования правовой надежности, *охраны* индивидуальных интересов сторон и роль прохождения времени в стабилизации фактического положения, возникшего впоследствии вступившего в законную силу решения.

Взвешивание тяжести нарушения законности не затрагивает принципиальное значение законной силы и как правило, не перекладывает исследование данного дела исключительно на уровень частных интересов сторон, а — как и в большинстве случаев, относящихся к первой прослойке регулирования — дело остается на уровне общества в сфере общественных интересов. (В некотором смысле на это указывает и часто произнесенная фраза: „Надзорный протест не является вторичным обжалованием”.)

Строгость закона при обоснованности заявления о возбуждении дела и надзорного протеста императивной нормой (ГПК ВНР § 268. и абзац 3 § 273.) обязывает суд восстановить нарушение, связанное с законностью или объективной действительностью, возникшее впоследствии решения, вступившего в законную силу. Но даже в случае обоснованности надзорного протеста Верховный Суд, если речь идет о нарушении процессуального правила, не имеющего большого значения,

устанавливая по усмотрению тяжесть нарушения закона, т.е. то, что имело ил, „серьезное влияние” на вынесение решения по существу гражданского дела, при установлении, что не имело такое влияние, может оставить в силе действие вступившего в законную силу решение и ограничиваться только „установлением факта нарушения закона” (по последнему обороту абзаца 3-его § 260. ГПК), т.е. принципиальной декларацией, не влияющей на данное дело: было — дескать — менее тяжкое нарушение закона, которое однако не имело „существенное влияние” на вынесение решения по гражданскому делу.

(Только в скобках: я, со своей стороны, прилагательное „существенное” не применял бы в закон потому, что если имело — хотя и не-существенное — влияние нарушение закона на решение по существу, я бы остался при отмене решения; условие *существенности* тут не уместно потому, что излишне дифференцирует и вследствие этого и багателлизировать; „существенным” является только то, имело ли нарушение закона влияние на вынесение решения по существу; по-моему эту компетенцию на усмотрение целесообразно ограничить определением *веса самого нарушения закона* и его *влияния* на вынесение решения по существу, а не распространять — как это предусмотрено в действующем ГПК — на определение *веса влияния*.)

И один из приказов Генерального Прокурора ВНР (№ 4 1973 г.) о деятельности прокуроров по гражданским делам обращает внимание на взвешивание нарушения законности с *общественной точки зрения*: представление на надзорный протест в том случае следует подать, если это необходимо в интересах исправления или предупреждения тяжкого нарушения права, а также восстановления единства правовой практики. Как правило, не следует подать такое представление, если в деле нет принципиального вопроса, подлежащего выяснению, или нарушение незначительное с точки зрения общества или личности (или можно исправить другим способом, например путем возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, административного производства и т.д.).

9. Дальнейшие правовые нормы, все еще во второй прослойке регулирования, направленные на отмену последствия противоправного решения, имеющего законную силу, еще более определенно учитывают *новую реальную обстановку*, возникшую впоследствии решения, вступившего в законную силу и более основательно согласовывают *общественные и личные интересы* и в таком смысле более склонны к разумному компромиссу в формировании равновесия законности и стабильности. *Основой компромисса* является: истечение времени; *целью*: установление границ отказу от законной силы; *мотивом*: предположение того, что решением, вступившим в законную силу, хоть и в принудительном порядке, создается состояние покоя, что было бы неправильным нарушить.

Очевидно эти мысли являются определяющими при установлении сроков возобновления дела по вновь открывающимся обстоятельствам (ГПК §. 261.) и при ограничении действия решения, принятого на осно-

вании надзорного протеста, представленного по истечению одного года с момента вступления в законную силу опротестованного решения, при исключении его действия на стороны (абзац 1. §. 273. и абзац 1. §. 274. ГПК ВНР). Верховный Суд и в таком случае только „принципально” может установить обоснованность протеста.

Естественно, приказ Генерального Прокурора находится в соответствии с правилами гражданского судопроизводства (и в то же время ссылается на круг практического применения); по этому приказу с истечением упомянутого годичного срока только в случае *принудительного вопроса, имеющего особое значение*, целесообразно представление Генеральному Прокурору на подачу надзорного протеста, но и в таком случае только тогда, если нет аналогичного дела, по которому годичный срок еще не истек.

III.

10. *Основная концепция* о законной силе решения суда по гражданским делам в венгерской правовой науке более-менее едина, как относительно *условий* возникновения законной силы, так и ее *содержания*, а также по оценке природы *передвижений* (изменений), возможных после наступления законной силы.

По *частным вопросам* естественно имеются разногласия в венгерской социалистической правовой науке; ничего удивительного в этом нет, ведь по определению цивилиста *Й. Унгера*, данного однако до установления равноправия полов, „юрист тот мужчина, который имеет другое мнение”.

Есть, все-таки, одна — единственная! — основная проблема, которая разделяет венгерских процессуалистов. Это, вопрос о том, что *исполняемость* — по применяемой мною терминологии — является ли *элементом понятия* законной силы (по другой терминологии: является ли *эффектом* законной силы).

По первой, представленной, пожалуй, большинством, во всяком случае применяемой в венгерских высших учебных заведениях точке зрения¹¹ *исполняемость* — наряду с двумя другими элементами (*неоспариваемость* и *окончателность*) — является третьим элементом содержания законной силы.

Представители другой точки зрения не рассматривают *исполняемость* как элемент содержания законной силы, а всего как родственное с нее явление (т.е. таким *эффектом*, который „относится только к присуждающей части решения”¹²).

Этот взгляд, как правило, обосновывается тем, что *исполняемость* с одной стороны может относиться не только к решению, вступившему в законную силу, но и к другим постановлениям, а также другим, не являющимся решением документам. С другой стороны — говорят — *исполняемость* присуща не только решениям, имеющим законную силу, но и решениям без законной силы (напр. о предварительном исполнении); наряду с этим ссылаются и на то, что *исполняемость* не является

спецификой каждого решения, вступившего в законную силу, а — как я уже указывал — только таким, которые содержат присуждение.

11. Некоторые *части* этих доводов при изолированном рассмотрении естественно правильны; они находятся в соответствии с нормативным регулированием процесса. Однако, рассматривая проблему законной силы в целом или — применив модное выражение — анализируя ее системно, они окажутся несостоятельными. Почти все эти частные доводы ссылаются на *исключения* из-под общего правила, или же, во всяком случае, нехарактерное ставят перед характерным.

Несомненно, что не только на основании решения, вступившего в законную силу, происходит исполнение, и что исполнение не всегда следует за решением, вступившим в законную силу, однако, по своему значению исполняемость решения, вступившего в законную силу, *по своему весу является типичным и определяющим характер признаком*, а его отсутствие — только лишь исключением.

При исследовании сущности правовых явлений нельзя за тремя соснами не увидеть леса. Указанное ранее мнение общественности правильно оценивает, что одним из самых существенных элементов законной силы является исполняемость: „Решение имеет законную силу, *значит исполняемо*”.

Свидетельствует о соответствующем общественной оценке рассмотрении исполняемости, как института, являющегося элементом понятия законной силы (и ее отсутствие как исключение) и положение об организации и деятельности судов.¹³

При этом легко было бы сослаться и на то, что и два других элемента законной силы не являются стабильными при последовательном применении оспариваемой точки зрения, ведь имеются нормативно регулируемые исключения также из-под неоспариваемости и окончательности судебного решения.

Надзорный протест и возобновление дела по вновь открывающимся обстоятельствам, а иногда даже новый процесс можно было рассматривать с точки зрения законной силы как обстоятельства, ломающие преграду, если кто-нибудь все это не рассматривает тем, чем они являются, а именно исключениями.

Итак сущность моей точки зрения заключается в том, что при анализе содержания законной силы, при разграничении ее элементов, в первую очередь нам необходимо обратить внимание на факторы, определяющие ее *сущность* и *характер*, и нужно признать вторичную роль, характер исключения некоторых других случайных факторов.

Как надзорный протест, возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам и новый процесс не прекращают и даже не ставят под вопрос элементный характер неоспариваемости и окончательности решения, вступившего в законную силу потому, что представляют исключения и специфичное по отношению с общим и неспецифичным, так и случаи исполнения, не требующего законной силы, и случаи законной силы не требующей исполнения, не ослабляют основ-

ную и определяющую роль исполняемости как элемента содержания законной силы.

12. Возможные предписания положительного права иногда могут подшутить с юристом, представляя обратные доводы относительно исключений, которое должно было бы изменить правило. Может это случиться и при решении, вступившем в законную силу, но не требующем исполнения и наоборот.

В правовой литературе, как правило, ссылаются на решение о разводе, вступившее в законную силу, как на учебный пример решения, преобразующего право и не требующего исполнения. Однако, новое регулирование брачно-семейного права СРР, как об этом недавно говорил *Эндре Никсалоуски*, требует исполнения решения суда о разводе, ведь решение становится окончательным только при произведении соответствующей записи в Записе актов гражданского состояния. В сущности это же устанавливает новое советское брачно-семейное законодательство. КЗоБСО РСФСР от 30. июля 1969 г. например, устанавливает, что брак с момента производства записи о разводе в актах гражданского состояния считается прекращенным (§. 40).¹⁴ Несомненно, что это распоряжение относится и к разводам, произведенным в самом Загсе, и к тем, которые произведены в судебном порядке. Это значит, что решение нуждается в „исполнении”. Естественно, что положение будет иным при вынесении решения, определяющего недействительность брака, что имеет обратную силу (§. 46.).

У нас в случае развода в суде брак прекращается с момента вступления в силу решения (КоС §. 20.). Тут нет необходимости в особом исполнении решения, хотя решение, вступившее в законную силу, необходимо направить в Загс (ГПК §. 290. абзац 5.). Это, однако, в отличие от советского и румынского регулирований не считается исполнением.

13. Что касается круга решений, вступивших в законную силу и не требующих исполнения, в качестве школьного примера, наряду с случаем предварительного исполнения, приводят исполнение, производимое на основании постановления об обеспечении иска (т.н. временное распоряжение).

Временное распоряжение, вынесенное на суде, является постановлением, которое можно предварительно исполнить (ГПК абзац 5. §. 156.). Это положение при буквальном толковании нормативного регулирования действует только до вступления в законную силу определения о производстве предварительного исполнения. С этого момента исполняемость уже не имеет предварительный характер. Определение находится в действии до тех пор (и его исполняемость также), пока суд не отменит своего определения или по тому же вопросу впоследствии не вынесет решение.

Абзац 5. §. 156. ГПК, включенный III-ей Новеллой в ГПК, собственно легализует положение, которое несколько лет существовало и являлось двусмысленным относительно временного действия времен-

ных распоряжений, конкретно то положение, которое создала Коллегия Верховного Суда по гражданским делам.¹⁵

По постановлению Коллегии определение, вынесенное по предмету временных распоряжений и вступившее в законную силу, до отмены судом остается в силе и тогда, когда суд определение, вступившее в законную силу не до начала процесса, а после этого вынес.

Обосновывание этого постановления заключается в том, что при ранее создавшемся положении в практике вынесения решений неуверенность имела по поводу того, до какого момента будет в действии определение, вынесенное по предмету временных распоряжений и вступившее в законную силу: до тех пор ли, пока суд новым постановлением отменит его действие, или и в случае, когда процесс прекращается без вынесения решения по существу (спустя года). ГПК этот вопрос во время вынесения этого постановления еще не регулировал. Коллегия Верховного Суда по гражданским делам в сущности применив аналогию и распространительное толкование сослалась при вынесении постановления на постановление Сов. Мин. № 105/1952 (Хэ. 28) §. 6. и абзаца 4. §. 137. ГПК. В обосновании своего постановления Коллегия указывает на то, что временное распоряжение следует оставить в силе и в том случае, если относительно выполнения временных распоряжений определение вынесли после начала судебного производства, которое потом прекратилось.

Правильность этой точки зрения я уже раньше оспаривал.¹⁶ Старался указать (как это видно из §. 25. III. Новеллы ГПК — не очень успешно), что постановление вместе со своим обоснованием противоречит сущностью временного распоряжения как института процесса, а также и абзацу 4. § 137. ГПК.

Я указал на то, что временное распоряжение как перед началом процесса, так и в самом процессе является только *временным* постановлением суда и по своей сущности предполагает наступление в будущем вынесение решения, имеющего *окончательный* характер. Кроме того временное распоряжение, вынесенное перед началом судебного процесса, основывается и на том молчаливом предположении, что кто-либо из сторон действительно начнет судебный процесс.

Без этих условий институт временного распоряжения в данной форме потерял бы смысл, ибо таким образом *заменял бы* решение суда, имеющее законную силу, а в форме вынесения его перед началом процесса даже сделал бы *излишним* проведения судебного процесса. Такая возможность наделила бы временное распоряжение правовым действием окончательности и противоречила бы основным требованиям социалистического правосудия.

Вынесению временного распоряжения необязательно сопутствуют те гарантии, которые сопутствуют решению, имеющему законную силу; к вынесению временного распоряжения не требуется доказывание, достаточно и вероятность, производство необязательно носит состязательный характер и т.д. Все это связано с предположением

временности, основанной на *срочности* и с окончательным решением, вынесенным впоследствии в судебном процессе при наличии всех гарантий.

В связи с этим проблемы возникают тогда, когда процесс прекращается из-за приостановления свыше года (абзац 3. § 137.). Это наступает само собой, и в таком случае нет необходимости в постановлении суда, облеченного в письменную форму (только наметкой, сделанной на папке дела, указывает на это суд).

Правильная точка зрения по-моему та, по которой в таком случае и определение о вынесении временного распоряжения рассматривается как потерявший свое действие. При прекращении процесса, по смыслу абзаца 4. §. 137., который не следует толковать распространительно, только частные и промежуточные решения остаются в силе, но другое постановление суда (среди них и определение о вынесении временного распоряжения) уже нет.

Постановление Верховного Суда, влитое в абзац 5. §. 156. ГПК, сейчас уже с силой закона признает оставление в силе временного распоряжения и при прекращении процесса. Несмотря на все это, по-моему с этим не устранено и не может быть устранено противоречие с абзацом 4. §. 137. ГПК.

Во всяком случае усложняет положение то правило §. 6. постановления Сов. Мин. № 105/1952 (XII. 28), по которому определение, вступившее в законную силу о вынесении временного распоряжения, поскольку суд во время процесса не отменит его, имеет одинаковое действие с решением, вступившим в законную силу.

В то же время нельзя оставить вне внимания и то, что в §§ 1—6. о предшествующих процессу временных распоряжений указанного постановления много пробелов. Действие временных распоряжений, вынесенных перед началом судебного производства, исходя из сущности этого института, должно зависеть от того, что в последующем процесс действительно начнется или нет; однако, прямое распоряжение такого характера в норме не имеется. Это несомненно недостаток законодательства.

Гражданско-процессуальные кодексы других социалистических стран имеют такие гарантии, которые исключают окончательность временных распоряжений, перпетуацию их и превращение в институт, заменяющий решение и даже сам процесс. ГПК ЧССР 1963 г. по поводу временных распоряжений, вынесенных перед началом процесса, устанавливает (§§ 76—77), что суд в своем определении об этом может призвать сторону начать судебный процесс в определенное время, и при пропуски этого срока временное распоряжение теряет свою силу. Аналогичное распоряжение содержат болгарский и немецкий ГПК. Наряду с этим в гражданско-процессуальном праве зарубежных социалистических стран имеется такое распоряжение, которое представляет возможность вынесения определения о временном распоряжении на время, устанавливаемое судом.

Распоряжение ГПК ВНР на первый взгляд безусловно урегулировало этот спорный вопрос. В действительности дело, однако, не такое простое.

Правда, что формально (по правовой норме) исполняемость определения о временном распоряжении уже не „предварительная”, а „нормальная”, но все же временное распоряжение (рассматривая его назначение) имеет временный характер и таким образом связанное с ним нормальная исполняемость на самом деле (по своему содержанию) все же остается временной.

Изменение закона — по следам постановления Коллегии Верховного Суда по гражданским делам — сделало постоянным временное распоряжение на случай прекращения процесса и с этим в действительности помогло в том, что бы не было необходимости закончить процесс вынесением решения по существу дела. (В то же время в сфере правовой неурегулированности дальнейшей судьбы временного распоряжения, вынесенного перед началом процесса, не заполнен пробел, т.е. и в дальнейшем нет стимула для окончательного урегулирования спорного дела, гарантированного состязательным процессом.)

Практическим следствием всего этого является то, что в случае вступления в силу определения о временном распоряжении, вынесенного перед или после начала судебного производства (т.е. напр. стороны примирились или не имеют желания дальше заниматься делом) оно выполняет функцию внесудебного или судебного мирового соглашения, и на самом деле приобретает материальную законную силу без критериев и гарантий, необходимых к этому.

Как раз в том и заключается *практическая* цель, смысл, теоретическое последствие и вместе с тем непоследовательность вышеуказанного постановления. В конечном счете придавали окончательность и материальную законную силу такому процессуальному институту, которому они по общему взгляду и не были присущи.

14. В связи с рассказанным выше о возможных случаях нормативного регулирования, пожалуй, удалось в некоторой степени показать, что исключения, представляющиеся иногда годными для нарушения системы, часто имеют очень относительную ценность. Во всяком случае мы должны подходить к ним с осторожностью и исключительность их характера нельзя упускать из виду.

Представление, исключаящее из понятия законной силы исполняемость, ссылается впрочем на ту, многими принятую точку зрения, которая отрицает единство искового производства и исполнения в рамках судебного процесса, т.е. не признает процесс исполнения как одним из стадий судебного производства. Другая точка зрения, которой придерживается со мной вместе большинство венгерских процессуалистов, является логической предпосылкой той точки зрения, которая рассматривает исполняемость как одну из элементов понятия законной силы.

За пределами этой структурной последовательности точка зрения, исключаящая из понятия законной силы исполняемость как ее эле-

мент, логически присоединяется к позиции некоторых о цели процесса и ее отношении к законной силе. Кратко суммируя, это заключается в том, что целью процесса является защита права (применение материального права), что и осуществляется достижением законной силы.

В моих высказываниях о цели гражданского процесса¹⁷ я имел возможность указать на то, что эта точка зрения, хотя ее зерно правильно, неудовлетворительна. Сущность цели гражданского процесса заключается в *реальности защиты права* в судебном порядке, а это предполагает в качестве элемента законной силы и исполняемость.

Точка зрения, рассматривающая решение, имеющее законную силу как цель процесса, только в том случае имеет смысл, если в понятие законной силы включает исполняемость. Рассмотрение законной силы без исполняемости останавливается как раз на том уровне правовой мысли, где нам, юристам-коммунистам останавливаться нельзя, на уровне *пустой нормативности*. Правовая защита, предоставленная судом, должна быть реальной. Правовая защита вынесением решения еще не осуществляется, только создаются условия, которые как содержание понятия, должны быть включены в понятие законной силы. К этим относится и исполняемость; оно даже более чем другие указывает путь для перехода цели гражданского процесса *из правовой сферы в сферу общественной действительности*.

Все это тесно связано с другим вопросом, с проблемой *эффективности гражданского процесса*. В этой плоскости нам тоже кажется узким понимание элементов понятия законной силы таким образом как указывалось выше.

* * *

На обсуждение частных проблем законной силы, не имеющих столь важное значение, пожалуй, будет целесообразным вернуться позже, ибо только некоторые более важные проблемы хотелось рассмотреть в этой статье. Они на мой взгляд имеют такой вес, что в последующем могут оказать влияние на развитие нашего гражданского процессуального права, могут оказать влияние на основную концепцию будущего нашего социалистического ГПК, главным образом на его структуру.

СНОСКИ

¹ Характерно, что даже такой выдающийся процессуалист, как *Е. Бачо* старший, всегда подчеркивавший в спорах с практицистами значение научных вопросов процесса, указывая именно на сложность проблемы законной силы, показал „насколько тяжело выбрать правильный путь в лабиринтах теории гражданского процесса“ (Научный гражданский процесс. Дебрецен, 1937. 23. стр.).

² *Густав Хаберманн*: Законная сила в особом производстве. Сегед, 1935.; *Берталан Шенвитуки*: Решение и законная сила. Эгер, 1938.

³ *Е. Бачо*: Заметки к учению о законной силе. Будапешт, 1916.;

он же: Новые заметки к учению о законной силе. Дебрецен, 1936.

⁴ *И. Новик*: Частичная законная сила в гражданском процессе. Будапешт,

⁵ *И. Фаркаш*: Законная сила в венгерском гражданском процессе. Докторская диссертация, 1973.

⁶ *М. Томчани*: Законная сила в административном праве. Будапешт, 1896.; *Э. Бозр*: Законная сила в административно-правовых актах. Будапешт, 1910.; *Ш. Кристия*: Влияние и пределы осуществления законной силы в административном праве. Будапешт, 1915.;

Н. Баумгартнер: Законная сила в административном праве. Будапешт, 1917.

⁷ *Ср. Ж. Гриоле*: Законная сила в гражданском и уголовном процессах. Париж, 1966. стр. 8.

⁸ Сочинения *Маркса – Энгельса*. т. I., Будапешт, 1957. стр. 143.

⁹ Среди других см. *Д. Полумордовин*: Законная сила судебного решения, Тбилиси, 1964.; *Ж. Сталев*: Законная сила в гражданском процессе, София, 1959.; *Ф. Боура*: Судебные постановления, Прага, 1957.; *Л. Неваи – М. Свачук*: Судебные постановления по венгерскому и польскому гражданскому процессуальному праву. Люблин, Ежегодник Университета МКС, том XVII, 2, 1970.; *Х. Келлер*: Надзорное производство в гражданских делах в ГДР. Берлин, 1957.; *С. Зильберштейн*: Обжалование в свете принципов гражданского процессуального права. Бухарест, журнал „Студии си черчетари juridice” № 2. 1965 г.

¹⁰ Цитирую известного венгерского буржуазного юриста материального права *Густава Саси-Шварцу*, кто – может с некоторым преувеличением – устанавливает, что „два основных средства правосудия: уверенность (сегодня сказали бы: стабильность – Н.) и правду из десяти случаев в девяти законодатель не может найти. . . В большинстве либо уверенность, либо правду необходимо пожертвовать”. Вокруг Цителманн, Журнал „Йогаллам”, 1905. № 5.

¹¹ *Ср. Неваи – Силберекки*: Гражданско-процессуальное право, учебник, Будапешт, 1968. стр. 370.

¹² Это слова *М. Мора* в учебнике *Бачо – Бек – Мора – Неваи*: Венгерский гражданский процесс, Будапешт, 1962. стр. 322. О каждодневном понимании общности он тоже признает, что „На практике чаще всего принимают во внимание, что решение о присуждении, вступившее в законную силу, можно исполнить и таким образом связывается законная сила с исполняемостью” (там же).

¹³ См. текст распоряжения 114/1962 (ВЮ 19), измененный Распоряжением 120/1972 (ВЮ 1973. 1.) §. 46.: ср. еще с информацией № 304/1973 (ВЮ 4) 111/4 об установлении законной силы в хозяйственных делах в делопроизводстве судов.

¹⁴ Журнал „Венгерское право и Зарубежный Правовой обзор” 1970. № 4. стр. 239.

¹⁵ В ранее установленной нумерации Постановление Коллегии по гражданским делам № 870 („Судебные решения” 1965. № 2.); по сегодняшней нумерации № 258 (Гражданско-правовые решения принципиального значения, Будапешт, 1969. стр. 394.).

¹⁶ См. *Неваи – Силберекки*: указанная работа стр. 381 – 382.

¹⁷ Проблема эффективности гражданского процесса в новой системе руководства хозяйством. Журнал „Акта юридика” том 14. № 1 – 2. стр. 3. и дальше.

Prof. Dr. LÁSZLÓ NÉVAI, Leiter des Lehrstuhls für Zivilprozess
der Universität Budapest

BETRACHTUNGEN ÜBER DIE RECHTSKRAFT

ZUSAMMENFASSUNG

Die Abhandlung untersucht einige prinzipielle und praktische Aspekte des Problems der Rechtskraft auf dem Gebiet des Zivilverfahrens. Im ersten Teil der Abhandlung deutet der Verfasser darauf hin, dass die Rechtskraft einen äusserst wichtigen Grenzstein auf dem Wege der reellen Verwirklichung des objektiven Rechts darstellt. Anschliessend gibt er einen kurzen geschichtlichen Überblick über den Ursprung, die Entwicklung und bürgerliche Auffassung des Begriffs der Rechtskraft. Der zweite Teil der Abhandlung analysiert die

sozialistische Auffassung der Rechtskraft. Das sozialistische Recht beurteilt die Rolle der Rechtskraft im Prozess der Rechtsverwirklichung ausgeglichenerweise: weder mystifiziert es sie, noch bagatellisiert sie, weder behandelt es sie als Tabu, noch erlaubt es ihre leichtsinnige Übergehung. Das sozialistische Recht erkennt die Rolle der Rechtskraft hinsichtlich der Gewährleistung der Rechtssicherheit und Gesetzlichkeit; es löst gleichzeitig die Konflikte, welche im gegebenen Fall zwischen der Rechtskraft und Gesetzlichkeit, beziehungsweise der Rechtskraft und der objektiven Realität entstehen können. Im dritten Teil der Abhandlung setzt sich der Verfasser mit denen auseinander, die aus dem Kreis der Begriffselementen der Rechtskraft (die sog. Rechtskraftwirkungen) die Vollstreckbarkeit ausschliessen; er beweist, dass das dritte Element des Rechtskraftbegriffes — neben der Unanfechtbarkeit und Endgültigkeit — eine wesensbestimmende Rolle spielt. Im Laufe der Widerlegung des gegensätzlichen Standpunktes weist die Abhandlung darauf hin, dass das eventuelle Fehlen der Vollstreckbarkeit nur als Ausnahme aufzufassen ist. Im Zusammenhang damit erörtert der Verfasser die Fragen des Zweckes und der Wirksamkeit des Zivilprozesses, ferner die Probleme der Einheit des Prozesses und der Vollstreckung.

Professor LÁSZLÓ NÉVAI, Head of Civil Procedure Law Department
of the Budapest University

REFLEXIONS ON LEGAL FORCE

SUMMARY

The study examines several principles and practical aspects of the problem of legal force in the field of civil procedure. In the first part of the study the author emphasizes the great importance of legal force in the process of the realization of the objective law. Thereafter he offers a brief historical survey of the formation and development of the concept of legal force as well as of the bourgeois ideas about it. The second part of the study analyses the socialist conception on legal force. The socialist law forms a well-balanced judgement of the role of legal force in the process of the realization of law: it neither mistifies nor belittles the legal force, it does not regard it as taboo and does not allow it to be omitted carelessly either. The socialist law recognizes the role of legal force in safeguarding legal security and legality. At the same time it settles the conflicts which may arise in a given case between legal force and legality or between legal force and the objective reality. In the third part of the study the author enters into controversy with those who exclude enforceability from the conceptual elements of legal force (or from the s.c. effects of legal force) and proves that, besides unimpugnability and finality, enforceability, the third element of legal force has a character-determining role. In the course of confuting the opposite views the study points out that the occasional lack of enforceability is merely an exception. In connection with this the author expounds the questions of the aim and efficiency of the civil proceedings as well as those of the unity of the proceedings and enforcement.